

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ДОКУМЕНТ:

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

**Сборник материалов V Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием
(г. Томск, 27–28 октября 2011 г.)**

**Издательство Томского университета
2012**

4. *Материалы для истории Сибири* / Сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание / Под ред. О.М. Бодянского. М., 1867. Кн.1, пагинация 2. С.129–230.

5. *Материалы для истории Сибири* / Сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание / Под ред. О.М. Бодянского. М., 1867. Кн.2, пагинация 2. С.231–324.

6. *Старцев А.В.* Теория повседневности // Города Сибири XVII – начала XX в. Вып.2: История повседневности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С.3–20.

С.А. Шпагин

НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДА Т.Н. ГРАНОВСКОГО

Специфика работы историка с архивными фондами определяется постановкой цели и задач исследования. Так, анализ источников, посвященных жизни, деятельности и взглядам той или иной исторической личности, обуславливает преимущественный интерес к тем единицам хранения, которые входят в архивный фонд самого изучаемого персонажа и тех людей, кто были непосредственно связаны с ним. Однако интересные материалы могут быть обнаружены и там, где их, казалось бы, трудно ожидать, в том числе в фондах тех деятелей отечественной истории, которые считаются политическими противниками или представителями противоположных идейно-теоретических позиций.

Возможно, именно этим обстоятельством объясняется невнимание исследователей к неопубликованной до настоящего времени части фондов ряда деятелей русской общественной мысли. Практически все они содержат богатое эпистолярное наследие, включающее в себя как собственные послания фондообразователей, так и письма, адресованные им. И если первые неоднократно становились предметом тщательного изучения, то на вторые внимание специалистов обращается значительно реже.

Примером тому можно считать фонд известного русского историка XIX в., профессора Московского университета и лидера московского кружка западников Т.Н. Грановского, хранящийся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в г. Москве (ОПИ ГИМ). Этот фонд невелик: основной массив документов Грановского отложился в других архивохранилищах. Более того, все известные письма самого профессора и многих его адресатов были изданы еще в дореволюционный период [1]. Тем интерес-

нее обнаружить в этом фонде, например, письмо Грановскому бывшего министра народного просвещения графа С.С. Уварова, датированное 2 января 1850 г. Краткость этого документа позволяет привести его полностью.

«Милостивый государь, Тимофей Николаевич!

С особенным удовольствием получил я ваше обязательное письмо от 21 декабря с приложением исследования об аббате Сугерии. Предмет обильный, может быть не совсем близкий к Вашим слушателям, но который во всяком случае составляет прекрасную монографию. Если мое управление Министерством не имело бы других результатов, то возведение Вас на кафедру и некоторых других современников Ваших считал бы я себе за немаловажную услугу. Бодрствуйте духом и продолжайте на пользу общую Ваши полезные труды. Мое здоровье еще очень слабое, лето я думаю провести в Поречье, где мне приятно будет Вас по-старому принять и возобновить Вам уверение в моем совершенном почтении.

Граф Уваров» [2. Л. 101–101об.]

Примечателен сам факт личной переписки этих двух деятелей, из которых автор традиционно считается не только представителем власти, но и идеологом николаевского самодержавия, а адресат – представителем той самой оппозиционной общественности, которая являлась объектом гнета и репрессий царского режима. Если Уваров заслуженно оценивается как один из теоретиков «правительственного просвещения», видевший в ученых и преподавателях не более чем «достойные орудия правительства» [3. С. 268], то Грановский сам был живым примером интеллектуальной свободы. Тем не менее при всей несхожести политических взглядов эти выдающиеся люди своего времени находили точки соприкосновения.

Из содержания документа следует, что Грановский после защиты в 1849 г. своей докторской диссертации «Аббат Сугерий» отослал её экземпляр министру. Точнее, отставному министру: в том же году Уваров из-за невозможности проводить свою прежнюю образовательную политику в условиях нарастания реакции подал в отставку. Таким образом, этот жест Грановского – не только знак уважения чиновнику, способствовавшему его приходу в университет, но и в какой-то степени выражение моральной поддержки опальному министру. А готовность последнего «по-старому принять» профессора у себя в имении служит подтверждением воспоминаний Б.Н. Чичерина о том, как осенью 1848 г. Уваров приглашал к себе в Поречье

«несколько профессоров Московского университета, между прочим Грановского, и... просил их читать лекции в его маленьком обществе» [4. С. 25]. Наконец, обращает на себя внимание та высокая оценка деятельности лидера западников в Московском университете, которую дает в письме Уваров.

Не менее интересно и следующее письмо из того же дела, адресованное Т.Н. Грановскому. Его автор – князь В.А. Черкасский, в будущем видный общественный деятель, близкий к славянофилам, активный участник подготовки отмены крепостного права и реформ в Царстве Польском. А в 1846 г., когда было написано письмо, Черкасский – недавний выпускник Московского университета, занимающийся освобождением своих крестьян за выкуп и подготовкой диссертации по истории правовых учреждений в России. Однако в процессе этой работы он пришел к выводам, явно противоречившим тому, о чем заявляли в 1840-х гг. славянофилы или «славяне», как именует их князь.

Дело в том, что славянофилы, особенно А.С. Хомяков, были убеждены в том, что в допетровской Руси существовал собственный аналог суда присяжных [5. С. 42]. В качестве подтверждения они указывали на упоминания в источниках о целовальниках: якобы эти выборные должностные лица целовали крест, обещая судить по совести. Черкасский же прочитал источники совершенно иначе и об этом откровенно написал своему учителю Грановскому: «Предмет моей диссертации, признаюсь, меня сильно заинтересовал, тем более, что мне, кажется, придется сильно рассердить славян. Я нарочно списался с Боткиным и по его указанию выписал довольно много славянских источников, из коих часть уже получил, и представьте мое восхищение – чем больше читаю, тем более все выходит и легко славянам наперекор. Поэтому я намерен в диссертации задеть попространнее вопрос о присяжных у всего славянского племени вообще. У нас в России, сколько я уверился, целовальники никогда не были ни что иное, как только сборщики податей, – и ни под этим, ни под другим именем не найдёте вы в нашей истории суда присяжных» [2. Л. 102–102об.].

Упоминания о разногласиях между ведущими славянофилами и В.А. Черкасским в литературе уже встречались. Еще К.С. Аксаков в 1859 г. называл предложения Черкасского об административном регулировании общины душегубством и открыто заявлял князю: «То-то и дело, что русский-то Вы далеко не полный, что надышались Вы

с детства французским воздухом и вообще иностранным... Пока Вы на этой дороге, между нами война решительная и беспощадная» [6. С. 123]. Чтобы правильно понять значение этой фразы, надо знать, что на языке горячего патриота Аксакова «Запад», «иностранный» и тем более «французский» – почти ругательства. Другой известный деятель славянофильства А.И. Кошелев и вовсе считал, что Черкасский никогда не был славянофилом и расходился с ними «в самых существенных убеждениях»: в отношении к православной церкви, общине и народу [7. С. 96].

Однако все это – мнения, исходящие от славянофилов, но не от самого В.А. Черкасского. Впрочем, объективные основания для таких выводов, несомненно, были. Современные исследователи указывали уже на тот факт, что «между В.А. Черкасским и остальными славянофилами существовали значительные разногласия по многим вопросам»: здесь и явное отстаивание сословных интересов дворянства, и выступления против «фетишизма» общинного быта [8. С. 62]. Но эти разногласия касались только общественно-политической программы и не затрагивали, по крайней мере явно, иных аспектов славянофильской доктрины. Наконец, оставался открытым вопрос о том, насколько субъективно осознанной была позиция Черкасского в этих спорах. Все это позволяло – хотя и с оговорками – зачислять князя в славянофильский кружок.

Процитированное выше письмо В.А. Черкасского позволяет дать на эти вопросы более определенный ответ. Из содержания документа со всей очевидностью следует, что противоречия во взглядах между славянофилами и В.А. Черкасским касались не только общественно-политических, но и исторических представлений. В частности, в вопросе о суде присяжных на Руси князь Черкасский занимал более реалистическую и научно-достоверную позицию. Причем занимал вполне сознательно, солидаризуясь в ней с западниками. Не случайно он писал о своих выводах именно Грановскому: как известно, первая диссертация этого историка «Волин, Йомсбург и Винета» тоже была посвящена развенчанию славянофильской легенды.

Таким образом, есть все основания полагать, что В.А. Черкасский не считал себя славянофилом, по крайней мере в 1840-х гг. Его позднейшее сближение со славянофильским кружком объясняется, по-видимому, тем интересом, который князь проявлял к решению крестьянского вопроса. Возможно, свою роль сыграла и дезинтегра-

ция в 1850-х гг. московского кружка западников, а также смерть в 1855 г. его лидера Т.Н. Грановского, на которого ориентировался в своих взглядах В.А. Черкасский.

Литература

1. *Т.Н. Грановский и его переписка*. М.: Б.и., 1897. Т.1–2.
2. *ОПИ ГИМ*. Ф.345. Т.Н. Грановский. Ед. хр. 5.
3. *Койре А.* Философия и национальная проблема в России начала XIX в. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2003. 304 с.
4. *Русское общество 40–50-х годов XIX в.: люди и идеи. Часть II: Воспоминания Б.Н. Чичерина*. М.: Изд-во МГУ, 1991. 254 с.
5. *Хомяков А.С.* О старом и новом. – М.: Современник, 1988. 462 с.
6. *Трубецкая О.Н.* Материалы для биографии князя В.А. Черкасского. Т.1, кн.2. М., 1904. 134 с.
7. *Русское общество 40–50-х годов XIX в.: люди и идеи. Часть I: Записки А.И. Кошелева*. М.: Изд-во МГУ, 1991. 237 с.
8. *Кириченко О.А.* Документы личных фондов об исторических взглядах славянофилов // Советские архивы. М., 1989. № 1. С. 60–64.

Г.С. Криницкая

ДОКУМЕНТ КАК ИСТОЧНИК ПО ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕПЦИИ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Вопрос о происхождении названия Русского государства наряду с его самоценным научным значением актуален сегодня и с политической точки зрения, поскольку затрагивает интересы государствообразующего народа России, что в условиях продолжающейся «перестройки» и модернизации всего общественного организма страны усиливает потребность его скорейшего решения. Однако, став одной из центральных проблем отечественной истории ещё в середине XIX в. и породив острейшую дискуссию в исторической литературе, данный вопрос так и не нашел ответа в прошедших столетиях, как нет его и сегодня [1. С. 17–29]. Отсюда важнейшее значение приобретает источниковая база, основываясь на которой исследователь выстраивает свою концепцию русской истории, выделяя при этом проблему происхождения этнонима «Русь».

Для подавляющего большинства историков наиболее репрезентативным источником по данной теме продолжает оставаться «Повесть временных лет» Нестора. При этом одни полагают, что название «Русь» идет от наименования славянского племенного союза